
ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ В РОСПИСИ КЕРАМИКИ КУЛЬТУРЫ ТРИПОЛЬЕ-КУКУТЕНИ

В. Г. Збенович

Статья посвящена мифологической картине мира, закодированной в орнаментации посуды культуры Триполье-Кукутени. Акцентируется внимание на роли и месте собаки в мировоззрении носителей этой культуры.

В орнаментации керамики первых земледельцев отражена и закодирована их мифопоэтическая картина мира. Видное место в ней занимают животные, что и выделяет культуру Триполье-Кукутени в обширном круге энеолитических культур от Балкано-Дунайского региона на западе до Китая на востоке. Присущие ей зооморфные изображения не имеют себе равных ни в количественном отношении, ни по уровню художественного воплощения образов.

«Эра анимализма» в творчестве трипольско-кукутенских художников совпадает с начальным этапом позднего Триполья (С/1) или поздним периодом (В) культуры Кукутени. Именно в это время на сосудах появляются многочисленные изображения оленей, быков, косуль, змей, птиц и т. п.; однако наиболее полно трипольский «звериный стиль» отражают животные, в которых исследователи традиционно усматривают собак. Проблематике, связанной с образом собаки в трипольско-кукутенской живописи, посвящена специальная литература (работы Л. Чикаленко, Б. Л. Богасевского, Б. А. Рыбакова, Вл. Думитреску, М. Гимбутас, А. Ницу). На эту тему написана и последняя статья С. Н. Бибикова¹.

Значительно расширившийся за последние годы круг источников (ныне известно около 200 сосудов с изображениями собак), появление новых хронологических разработок и работ по различным аспектам мировоззрения древних обществ дают возможность вновь вернуться к данной проблематике, акцентируя внимание на роли собаки в верованиях трипольцев. Отсутствие прямой связи этого образа с мифологической традицией, отраженной в письменных источниках, значительно затрудняет нашу задачу. Попытка дешифровки его семантики должна, таким образом, основываться на содержании каждой конкретной орнаментально-смысловой композиции или сцены.

В этой связи следует вкратце охарактеризовать источники, опуская несущественные и единичные детали и ссылаясь на наблюдения предшественников. Изображения животных представляется целесообразным рассматривать не по стилистическим группам или хронологическим срезам, а по основным регионам культуры.

Правобережье Прута

Рассмотрим весь ареал распространения собственно кукутенских памятников — от Восточных Карпат до Прута (рис. 1).

С поселения Гелэшти (бассейн р. Быстрица) происходят два небольших острореберных кубка с черной росписью². На одном из них орнаментальный пояс в нижней части горловины состоит из двух метоп, разделенных несколькими вертикальными линиями. В центре каждой метопы находится сегментовидный «холм» с незакрашенной линзой в середине. Слева в подошву холма передними лапами упирается собака с поднятым хвостом (рис. 2, 1). На втором кубке две собаки также изображены в метопах.

На поселении Вэлени, находящемся в том же микрорайоне, был найден фрагмент еще одного кубка с изображением собаки, выполненный черной краской³. Монохромная черная роспись упомянутых выше сосудов (орнаменталь-

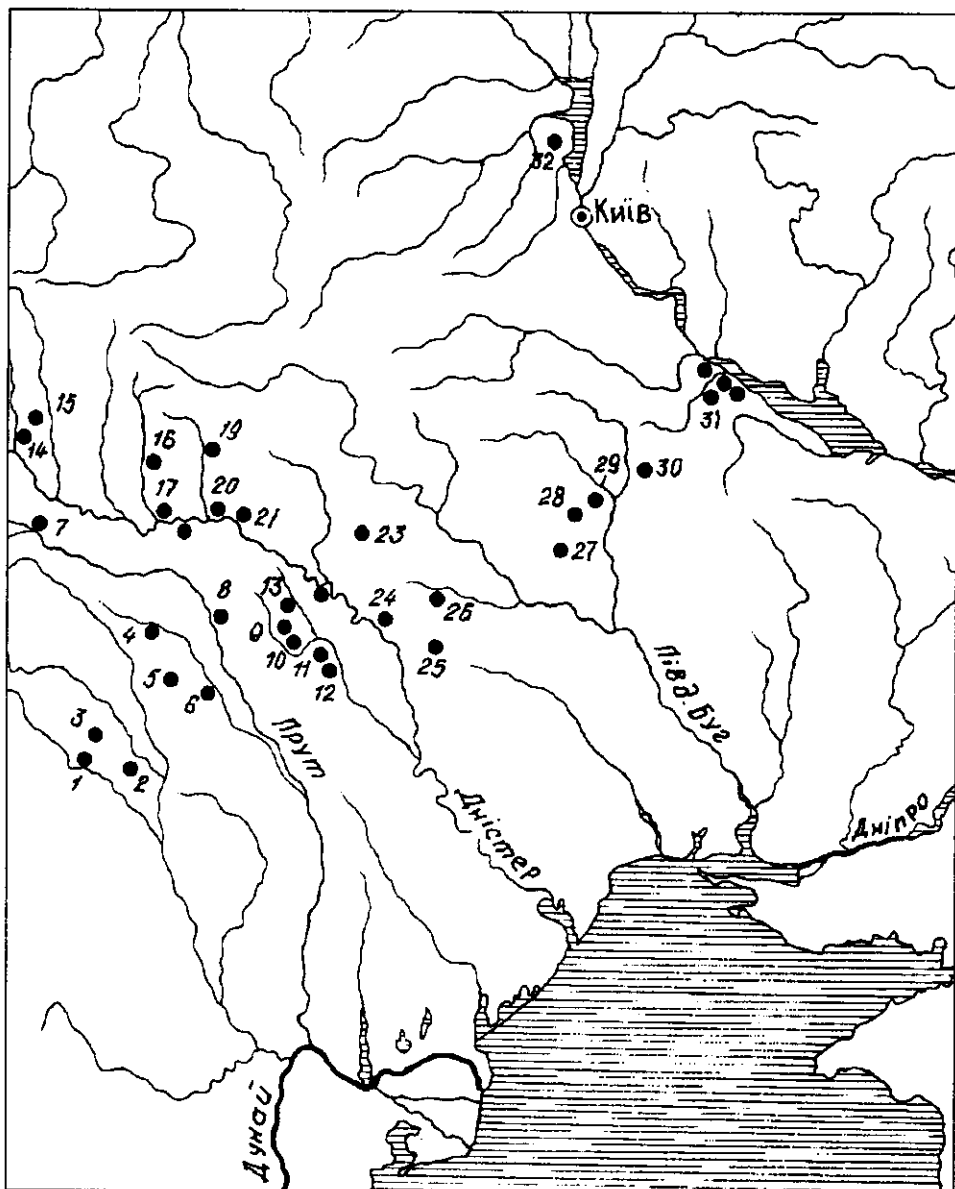

Рис. 1. Находки керамики с зооморфными изображениями (карта): 1 — Взлени; 2 — Гелзешти; 3 — Фрумушка; 4 — Трушешти; 5 — Кукутени; 6 — Валя Лупулуй; 7 — Шипинцы; 8 — Старые Бадражы; 9 — Главан; 10 — Петрены; 11 — Варваровка XV; 12 — Варваровка VIII; 13 — Шуры I; 14 — Бильче-Злоте; 15 — Сухостав; 16 — Ходоровцы; 17 — Большая Слободка; 18 — Коновка; 19 — Крутобородинцы; 20 — Бернашевка; 21 — Липчаны; 22 — Сороки-Озеро; 23 — Стена; 24 — Рашков; 25 — Черкасов Сад; 26 — Чечельник; 27 — Томашевка; 28 — Тальянки; 29 — Майданецкое; 30 — Чичеркозовка; 31 — поселения Среднего Поднепровья (Ржищев, Гребени и др.); 32 — Казаровичи.

ный стиль ϵ) свидетельствует о том, что они относятся к начальной фазе Кукутени В (В1)⁴.

Четвертый сосуд с фигурой собаки, украшенный в стиле ϵ , происходит с поселения Валя Лупулуй близ г. Яссы⁵, однако другие сосуды с зооморфными изображениями, найденные здесь, относятся к другой стилистической группе. Как правило, это — крупные сфероконические сосуды с двумя орнаментальными фризами: на высоком горле и на выпуклых плечиках. Зооморфные изображения размещены в верхней части, в метопах, разделенных S-видными завитками либо изогнутыми («змеевидными») лентами. Все фигуры животных контурные,

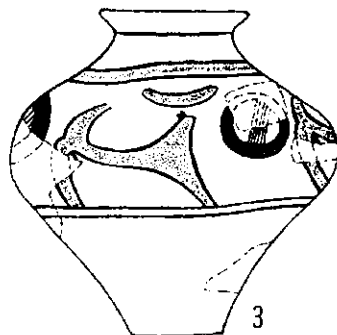
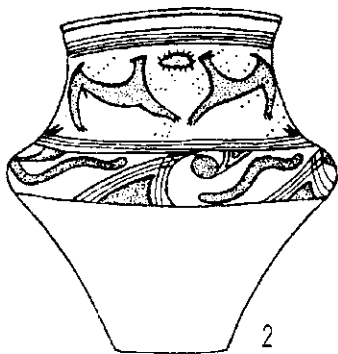
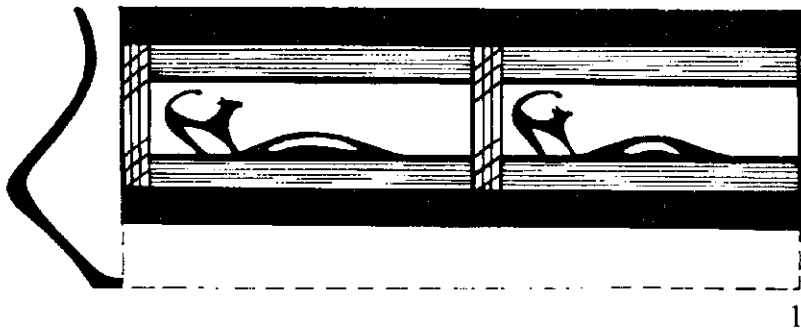

Рис. 2. Материалы Правобережья Прута: 1 — Гелзешти; 2, 4 — Валя Лупулуй; 3 — Трушешти.

залитые внутри красной краской. Этот орнаментальный стиль (ζ) присущ последующей фазе Кукутени В (В2). В метопах размещены не только одиночные, но и парные изображения собак, идущих одна за другой или стоящих друг против друга⁶. Важно отметить, что иногда — это разнополюе животные, самец и самка, между которыми помещены маленькие силуэтные изображения, возможно, щенки (рис. 2, 4). Над некоторыми фигурами собак изображен полумесяц, усеянный по контуру короткими черточками-ресничками и закрашенный красной краской. Изображения эти пересечены косыми линиями, состоящими из красных точек (рис. 2, 2).

Аналогичные по стилю и начертанию рисунки собак выявлены также на сосудах из Фрумушики⁷ (животное и сопровождающий его полумесяц «висят» над незакрашенным внутри сегментом) и Кукутени⁸. Следует упомянуть и большой сфероконический сосуд с поселения Трушешти⁹, на орнаментальном поясе которого запечатлены фигуры четырех следующих друг за другом собак-самцов. Животных разделяют нарисованные черной краской круги, пересеченные несколькими параллельными полосками; над головой каждой собаки — полумесяц, окрашенный изнутри красной краской (рис. 2, 3).

Таким образом, для зооморфной кукутенской росписи (более 20 сосудов) характерны силуэтные контурные фигуры, закрашенные красной краской. Сосуды с таким декором датируются фазой Кукутени В2.

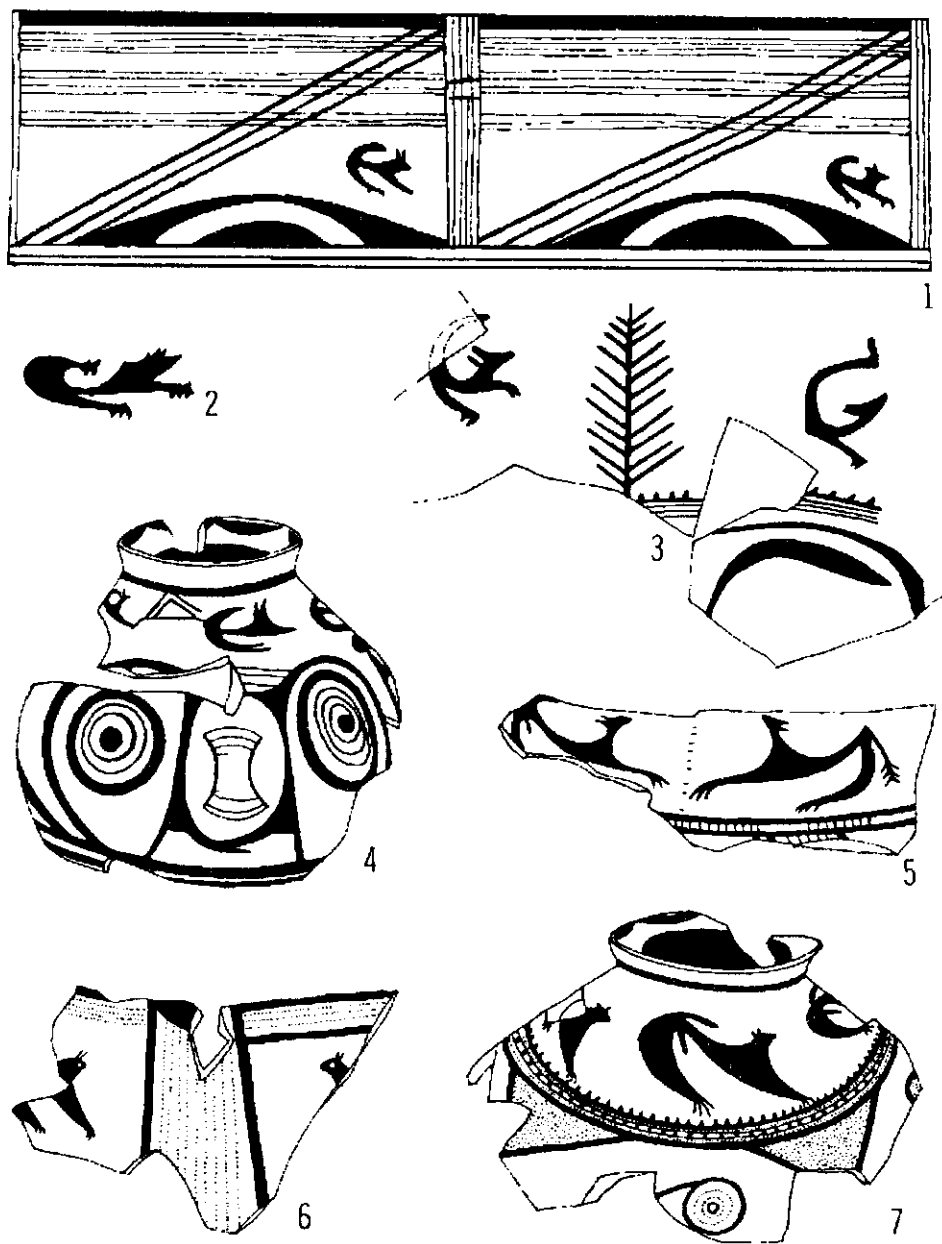

Рис. 3. Материалы Пруто-Днестровского междуречья: 1—3 — Шипинцы; 4—7 — Петрены.

Левобережье Прута и Пруто-Днестровское междуречье

На поселении Шипинцы в верхнем течении Прута, судя по публикациям Г. Чайлда¹⁰ и О. Кандыбы¹¹, было найдено не менее 30 сосудов с изображениями животных, выполненными черной краской. В орнаментальной зоне, опоясывающей верхнюю часть и плечики крупных грушевидных и сфероконических сосудов, биконических кубков помещены одно или два изображения. Тела шипинецких животных изогнуты; передние лапы вытянуты, задние подтянуты к животу («ленточные звери», по определению Б. Л. Богаевского). По-видимому, трипольские художники хотели передать состояние стремительного бега, преследования¹²: животные не касаются лапами земли, как бы паря в воздухе, причем часто под ними находится полусферический «холм» с незакрашенной дугообразной полоской в середине (рис. 3, 1). Иногда их разделяет дерево (рис. 3, 3). В

ряде случаев метопы с фигурами животных перечеркнуты несколькими горизонтальными и диагональными линиями.

Еще Г. Чайлд и Б. Л. Богаевский, описывая животных из Шипинцев, отмечали, что им намеренно придавался грозный, устрашающий облик. Бросаются в глаза их непропорционально большие, острые когти, непомерно длинные узкие морды, массивные загривки со странными выступами (рис. 3, 2).

Подлинным шедевром «ленточного» стиля являются животные, изображенные на сосудах поселения Петрены в Пруто-Днестровском междуречье¹³. Их изогнутые тела пропорциональны, легки и изящны (рис. 3, 5). Обычно они помещены в верхний орнаментальный фриз непосредственно под венчиком: вереница животных, следующих друг за другом, создает замкнутый круг (рис. 3, 7). Несколько животных имеют массивное туловище и вертикальные черточки на голове, более похожие на рога, чем на уши (рис. 3, 6). Наличие когтей дало возможность некоторым исследователям видеть в них фантастическое существо — «быка с когтями» (Л. Чикаленко) или «полубыка-полухищное животное» (В. И. Маркевич). Мы склонны считать, что и в данном случае изображена собака, но какой-то другой, более крупной породы. Как и в Шипинцах, собаки иногда показаны «в воздухе», над «холмом» с незакрашенной линзой в середине. Изредка они соседствуют с антропоморфной личиной (рис. 3, 4). Если все зооморфные изображения на петренской керамике выполнены черной краской, то многие другие элементы орнамента на тулове сосудов даны в красном цвете.

Беликопленные образцы керамики с зооморфной росписью дает поселение Варваровка VIII, расположенное, как и Петрены, в бассейне р. Реут. Это — крупные биконические и сфероконические сосуды, среднюю часть которых опоясывает широкий орнаментальный фриз с элементами распавшейся спирали¹⁴. Изображения животных всегда размещены непосредственно над этим фризом, под гирляндой фестонов, ниспадающих от основания венчика. Обычно рисунок, нанесенный черной краской, передает фигуры четырех собак, бегущих одна за другой¹⁵. На одном из сосудов показаны четыре пары разнополых животных, причем самцы выделяются более крупными размерами¹⁶. Если древние художники Шипинцев и Петрен идею стремительного бега-полета передавали при помощи «ленточного» стиля, то на сосудах из Варваровки VIII бегущие собаки изображены вполне реалистически. Не исключено, что трипольские художники хотели показать собак разных пород, подчеркивая признаки, характерные для этих пород: узкую вытянутую морду, длинные торчащие уши, опущенный либо свернутый в кольцо поднятый хвост (рис. 4, 1).

Особняком стоит сосуд с изображением двух собак в статичной позе перед сдвоенными кружками с «ресничками»¹⁷. Контуры фигур животных и кружки (по-видимому, астральные символы) намечены черной краской, а внутреннее пространство залито красной (рис. 4, 2). По технике исполнения этот рисунок аналогичен росписи группы ζ на керамике поселений Правобережья Прута. В такой же манере выполнены изображения собак на сосудах из Варваровки XV¹⁸, Главана¹⁹ и Старых Бадражей²⁰. Следует упомянуть также изображения собаки и двух быков на миске из поселения Шуры I²¹, находящегося в том же микрорайоне.

Хорошо известны по многочисленным публикациям два сосуда из Варваровки VIII, на которых нарисованы животные разных видов. На одном из них показано шествие по кругу; в нем принимают участие два мохнатых когтистых зверя с поднятыми хвостами (собаки?), коза с козленком, большая голенастая птица и два оленя-самца с ветвистыми рогами²². Все фигуры животных очерчены контуром; внутреннее пространство заполнено красной краской.

Роспись второго сосуда выполнена черной краской. Верхний орнаментальный фриз условно можно разделить на две половины. В одной из них друг другу противостоят два крупных мохнатых хищника-самца, очевидно, разной породы. Свисающий до земли хвост одного из них кончается густой кистью; у второго гибкий закрученный в кольцо хвост брошен далеко на спину. На второй половине еще один зверь той же породы, что и первый, готовится к прыжку: у него (как и у собрата) вздыблена шерсть на загривке и раскрыта пасть. Спина к нему обращен второй хищник с закрученным хвостом, преследующий оленя. От овальных фестонов, свисающих сверху, к голове каждого участника компози-

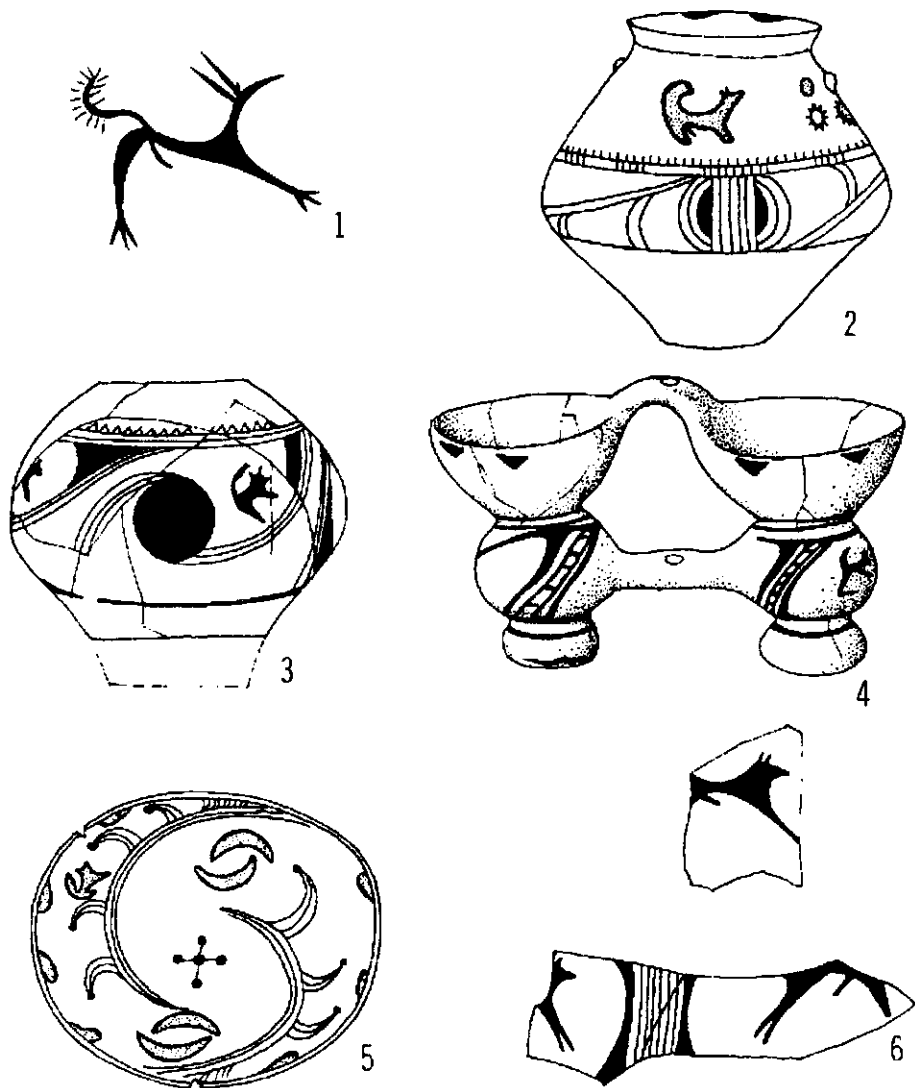

Рис. 4. Материалы Пруто-Днестровского междуречья и Верхнего Поднестровья: 1—2 — Варваровка; 3—5 — Бильче-Злоте; 6 — Сухостав.

ции тянется цепочка из точек²³. Эта, редкая по выразительности и экспрессии сцена — подлинный шедевр в живописи культуры Кукутени-Триполье.

Поднестровье

В верхнем течении Днестра находится поселение Бильче-Злоте (пещера Вертеба), давшее первые образцы трипольско-кукутенской зооморфной росписи. Материалы этого важного памятника разбросаны по разным музеям и практически не опубликованы. Интересующие нас изображения обычно находятся в верхнем или нижнем (в средней части тулова) орнаментальном фризе на крупных биконических, сфероконических и грушевидных сосудах. М. Гимбутас опубликован «бинокль» с рисунком собаки²⁴ — единственный, насколько нам известно, случай связи этого, культового предмета с зооморфным изображением (рис. 4, 4). Часто изображения собак в Бильче-Злоте сочетаются с «вихревым» спиралевидным орнаментом: собака как бы идет вверх по дуге спирали (рис. 4, 3). Все зооморфные изображения выполнены черной краской; исключение составляет орнамент на внутренней поверхности глубокой конической миски²⁵. Контурная фигура собаки с красным заполнением пространства внутри

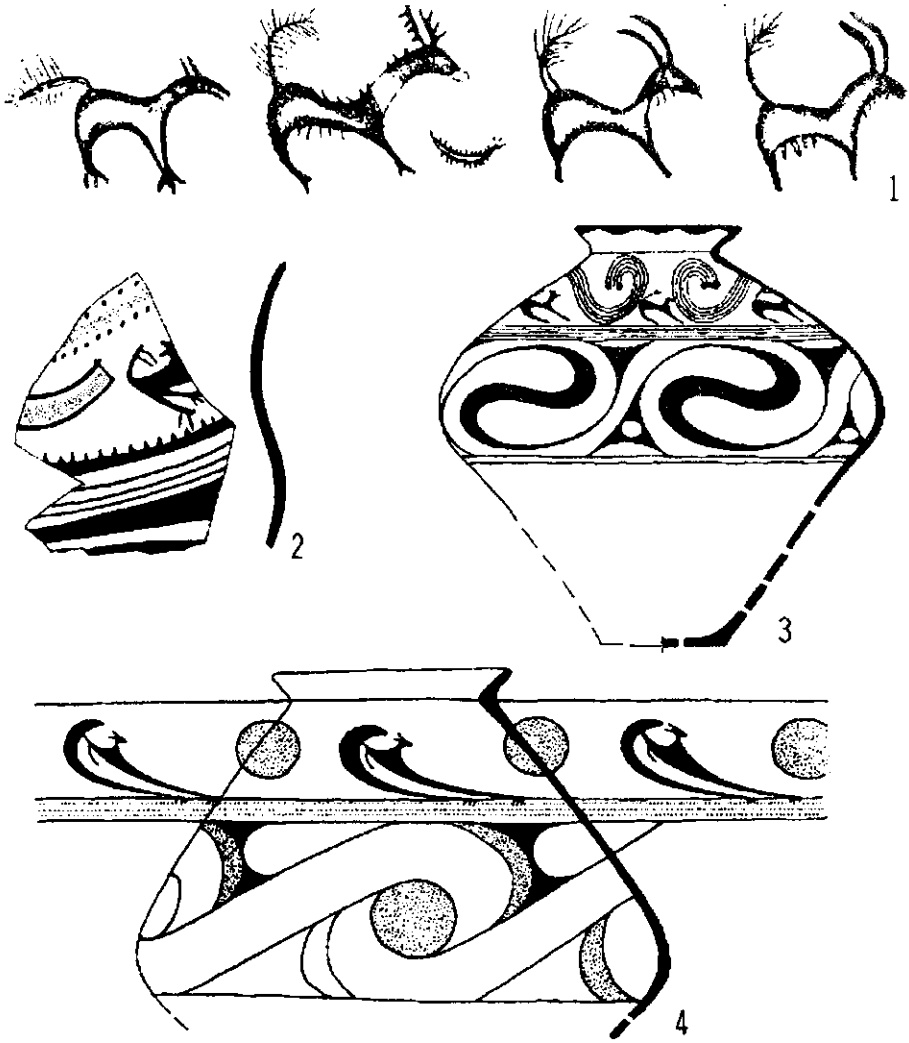

Рис. 5. Материалы Среднего Поднестровья: 1 — Крутобородинцы; 2 — Липчаны; 3 — Ковновка; 4 — Бернашевка.

контура дополнена нарисованными в этом же стиле двумя парами полумесяцев на стенках миски и каплевидными значками по краю венчика (рис. 3, 5).

В том же регионе находится поселение Сухостав, где в начале 50-х годов проводились разведочные раскопки²⁶. В коллекции, хранящейся в Историческом музее во Львове, имеются фрагменты двух сосудов с фигурами собак, нарисованными черной краской (рис. 4, 6, 7).

Среди трипольских памятников Среднего Поднестровья прежде всего следует упомянуть поселение у с. Крутобородинцы на р. Ушице, исследовавшееся еще в начале века. Отсюда происходит известный сосуд, на котором изображено шествие зверей²⁷. По кругу идут козел, коза, хищник (собака?) с раскрытой пастью, олень. Между оленем и козой помещен полумесяц с «ресничками». Тела животных очерчены контуром без заливки внутреннего пространства краской; головы прорисованы черной краской (рис. 5, 1). По композиции и манере исполнения эта сцена близка рассмотренным выше сюжетам росписи на сосудах Варваровки VIII.

В том же районе находятся поселения Мукшанская (Большая) Слободка²⁸ и Ходоровцы (уроч. Паюк)²⁹, на которых найдены несколько фрагментов керамики с изображениями животных, очевидно собак.

Несколько сосудов с зооморфной росписью включает керамический комплекс поселения этапа С/1 в с. Бернашевка (устье р. Жван)³⁰. Фигуры собак, выполненные черной краской, близки по стилю изображениям на керамике Петрен (рис. 5, 4).

С поселения Липчаны, расположенного несколько ниже по течению Днестра, происходит большой биконический сосуд-кубок с двумя метопами, включающими изображения четырех животных, как бы поднимающихся по склону³¹. Этим они схожи с собаками на сосудах из Бильче-Злоте, но стилистически более близки зверям-участникам шествия на сосуде из Варваровки VIII. Рисунок дополнен знаками в виде полумесяца, заполненного красной краской (ею же окрашен рельефный букраний, разделяющий орнаментальные метопы). На обломке еще одного сосуда сохранилось изображение животного, сопровождаемого такими же символами (рис. 5, 2). Фигуры собак на третьем сосуде из Липчан — небольшом биконическом кубке³² — напоминают зооморфный орнамент керамики из Вэлени и Гелзешти, описанной выше.

Среди материалов поселения Коновка на правом берегу Днестра³³ привлекает внимание большой сосуд, украшенный монохромной черной росписью. Спиральный орнамент на тулове передает стилизованный образ змея-дракона; в верхней орнаментальной зоне изображена вереница собак, по ряду признаков близких зооморфным рисункам на сосудах Варваровки VIII (рис. 5, 3).

На поселении Сороки-Озеро, расположенном ниже по течению Днестра, найден обломок кубка с изображением животного и астральных символов (солнце, месяц), выполненными с применением красной краски³⁴.

Яркий материал был получен при раскопках поселения Стена-4, находящемся в междуречье Днестра и Южного Буга³⁵. На нескольких больших биконических сосудах и кубках из Стены имеются одиночные и парные изображения собак, выполненные черной краской (рис. 6, 1). В ряде случаев орнаментальный фриз таких сосудов включает не только зооморфные изображения, но и антропоморфные личины (рис. 6, 2).

Несколько памятников, в керамических комплексах которых присутствуют сосуды с зооморфными изображениями, известны в южной части Днестро-Бугского междуречья на пограничье степи и лесостепи. На фрагментах двух сосудов с поселения Рашков³⁶ сохранились одиночные изображения крупных животных со вздыбленной шерстью. Одно из них, несомненно, является собакой; второе, по-видимому, какой-то хищник, из головы которого торчат направленные вперед длинные черточки-иглы, возможно, гипертрофированные клыки (рис. 6, 2).

На сосуде из поселения Черкасов Сад II Одесской области³⁷ силуэтная фигура собаки вписана в тангенту. Туловище животного перечеркнуто косой полоской. Свободное пространство внутри контура, в отличие от многих подобных изображений, не залито красной краской (рис. 6, 4).

Особенность зооморфных изображений на сосудах поселения Чечельник (юг Винницкой обл.) заключается в том, что они обычно вписаны в овальные медальоны, образованные завитками спирального орнамента. Поэтому фигуры собак (самцов и самок) сильно изогнуты (рис. 6, 3). Их отличают маленькая голова на непропорционально высокой шее, увеличенная задняя часть туловища и далеко заброшенный за спину хвост. Сосуды расписаны черной краской, но на одном из фрагментов контурный рисунок собаки заполнен внутри красной³⁸.

Побужье

На Левобережье Южного Буга керамика с зооморфными изображениями встречается гораздо реже, чем в более западных районах. Так, всего два фрагмента сосудов с фигурами собак имеются в крупной коллекции из Тальянков; один аналогичный фрагмент был найден в Чичеркозовке³⁹. Правда, на соседнем поселении-гиганте Майданецкое такая керамика встречается чаще. Публикуя материалы Майданецкого, его исследователи заметили, что местный зооморфный стиль росписи имеет свою специфику⁴⁰.

Своеобразие зооморфных изображений на трипольской керамике Побужья заключается в более упрощенном, «геометризованном» показе фигур собак. Почти все они, полностью или частично, окаймлены короткими черточками-зубчиками, символизирующими вздыбленную шерсть (рис. 7, 1). Отсутствуют сцены процессии или хоровода животных. Все изображения нанесены черной

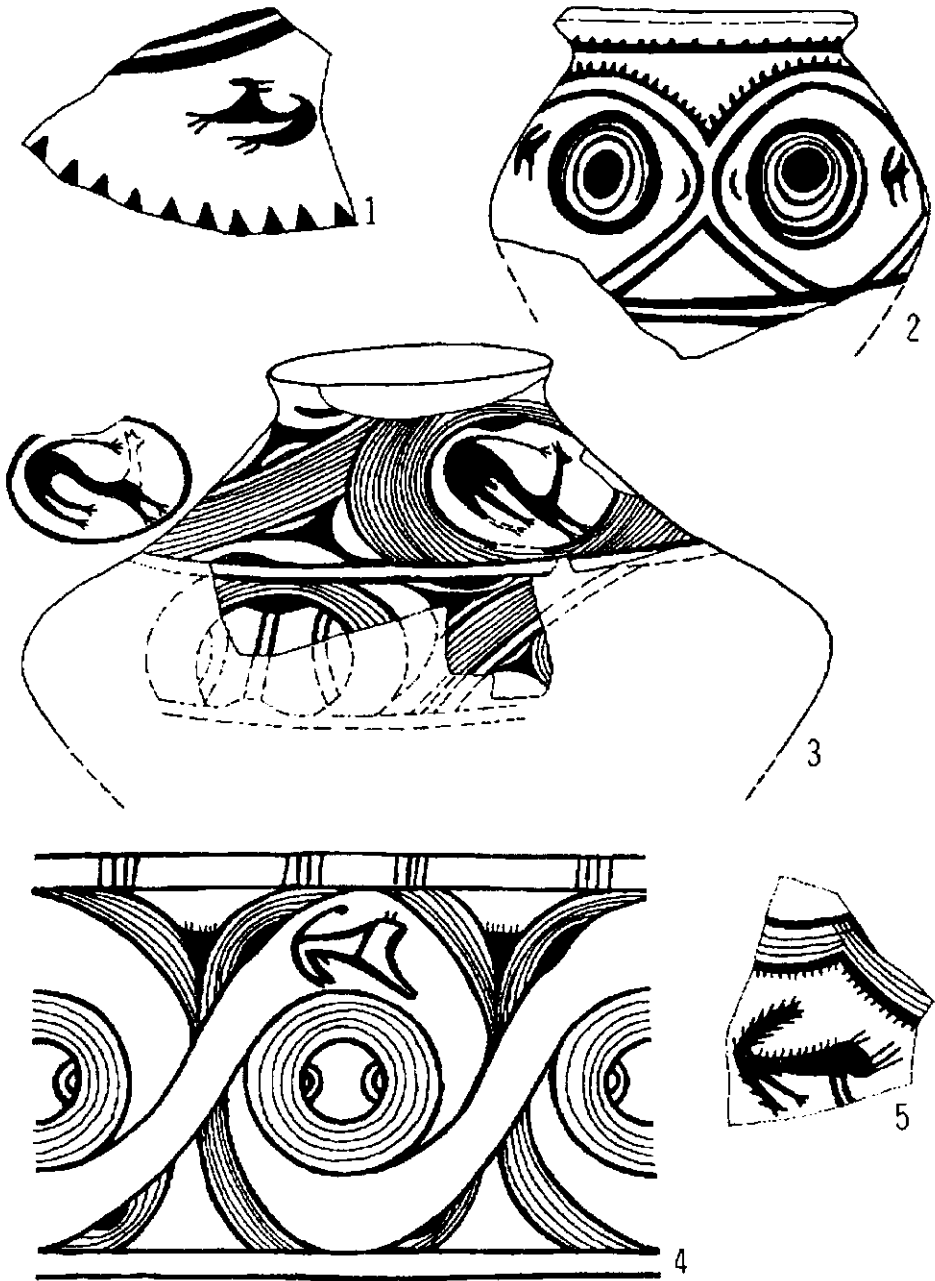

Рис. 6. Материалы Днестро-Бугского междуречья: 1—2 — Стена; 3 — Чечельник; 4 — Черкасов Сад; 5 — Рашков.

краской на кубки и крупные сосуды; исключение составляет большая коническая миска из Томашевки⁴¹, на дне которой имеется схематический рисунок стоящей собаки (рис. 7, 2).

Поднепровье

Раскопки В. В. Хвойки в Среднем Поднепровье, открывшие для науки трипольскую культуру, дали целую серию изображений, воспринимавшихся самим первооткрывателем и его современниками как загадочные «знаки», напоминающие иероглифы⁴². К сожалению, эти находки, сделанные в районе Ржищева, Веремья, Триполья, Стаек, Жуковцев, Стретовки, Юшков, не привязаны к каждому

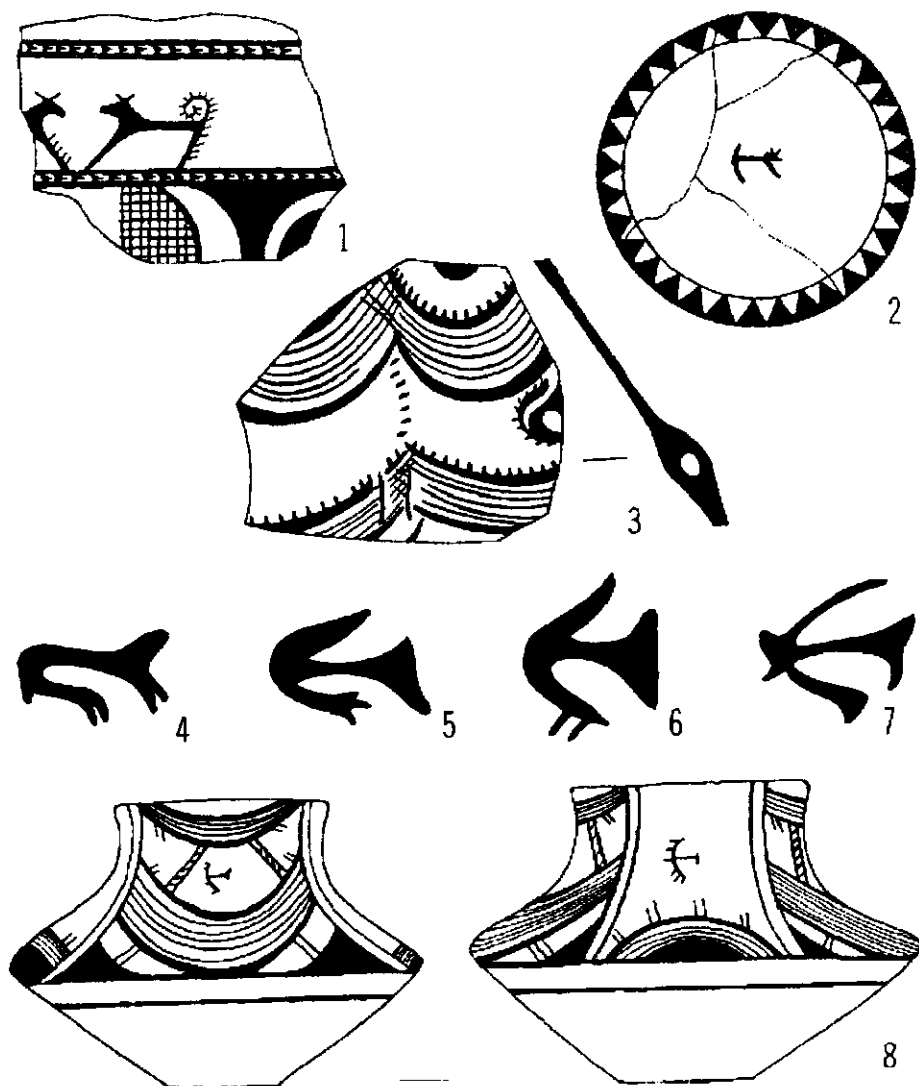

Рис. 7. Материалы Побужья и Поднепровья: 1 — Майданецкое; 2 — Томашевка; 3 — Казаровичи; 4—7, 8 — Среднее Поднепровье (точное место находок неизвестно).

конкретному трипольскому поселению. О характере изображений можно судить по публикациям начала века и фрагментам керамики (целые сосуды единичны), хранящимся в Национальном музее истории Украины в г. Киеве.

Некоторые сосуды с зооморфными рисунками, найденные в Поднепровье, несомненно, поступали сюда из бассейна Южного Буга. Примером может служить фрагмент керамики с реалистическим изображением мохнатой собаки (рис. 7, 3), обнаруженный в Казаровичах⁴³. В основном же зооморфные фигуры на керамике Среднего Поднепровья отличаются крайней упрощенностью. Некоторые из них еще сохраняют «ленточный» силуэт (рис. 7, 4), но без проработки деталей. Большинство же изображений передано схемой (рис. 7, 5-7): горизонтальный отрезок линии с поперечной черточкой или треугольником на конце (передняя часть туловища и голова), и дуга с поперечными черточками (задняя часть туловища и ноги).

Размещение зооморфных изображений на днепровских сосудах и их связь с основными орнаментальными композициями не вполне ясны. Поэтому представляет особый интерес острореберный кубок (рис. 7, 8), орнаментальный фриз которого разделен на четыре метопы, причем роспись каждой из них имеет

свои особенности. Различаются между собой и четыре стилизованные фигуры животных, помещенные в метопы. В целом рисунок отдаленно напоминает известную композицию: собаки, повисшие над сегментовидным «холмом».

Сделанный выше краткий обзор источников показывает, что однотипные изображения собак появились на расписной керамике стиля одновременно, и в разных частях кукутено-трипольского ареала (Гелэешти, Вэлени, Фрумушика в прикарпатских районах Румынии; Петрены, Шипинцы, Бернашевка, Коновка и др. — в Пруто-Днестровском междуречье и на Днестре). Указанные памятники относятся к самому концу среднего — началу позднего периода культуры Кукутени-Триполье.

Сходство зооморфных изображений в указанном ареале сохраняется и на последующей фазе (рописи в стиле), что не исключает, однако, их региональную специфику. В рамках общей изобразительной (и, вероятно, культовой) традиции оставалось место для творческой индивидуальности художников.

Многие из упомянутых выше трипольских памятников бассейнов Прута и Днестра отнесены исследователями к петренской группе⁴⁴. По-видимому, в ходе постепенного продвижения на восток и быстрых локальных миграций люди, оставившие памятники петренской группы⁴⁵, вошли в состав формирующегося в Побужье нового позднетрипольского образования — томашевско-сушковской группы. Вместе с многими чертами своей материальной и духовной культуры они передали трипольскому населению Побужья и круг идей, связанных с культом собаки. Воплощение этих идей в зооморфной живописи имело местную специфику, одним из признаков которой можно считать определенный схематизм изображений. Еще дальше на северо-восток, в Среднее Поднепровье эти изображения попадали уже из «вторых рук», что усугубляло процесс их схематизации. На Днестре постепенно сложился особый стиль, позволяющий считать, что местные художники уже не вполне понимали, что они рисуют, руководствуясь лишь установившимся здесь канонам.

Важен вопрос об истоках кукутено-трипольского «анимализма». Еще в начале 30-х годов Вл. Думитреску высказал мысль о влиянии переднеазиатской изобразительной традиции (Сузиана, Месопотамия) на искусство культуры Кукутени⁴⁶. Позднее он вновь вернулся к этой теме, подчеркнув, что калибровка радиоуглеродных дат, удвояющая возраст поселений Кукутени В, ликвидирует хронологический разрыв между ними и более древними, как считалось раньше, памятниками Передней Азии⁴⁷. Значительную часть большой статьи посвятил этой проблеме А. Ницу⁴⁸. Он проанализировал сюжеты расписного орнамента и глиптики Месопотамии (Урук, Джемдет-Наср, раннединастический период), а также Ирана (Сузы I—II) и сопоставил их с кукутено-трипольскими зооморфными изображениями.

Заметим здесь, что и после калибровки ¹⁴C, даты для памятников Кукутени В (Триполье С/Г) будут на несколько столетий «моложе» дат для Сузов I—II⁴⁹. Но более важным представляется тот факт, что изображения собак на керамике и в глиптике Древнего Востока от Египта до Ирана выполнены в ином стиле, чем в культуре Триполье-Кукутени. Собаки показаны в статичной позе⁵⁰ либо как агрессивные спутники человека в сценах охоты⁵¹.

Полагаем, что восточный импульс, возможный в принципе, пока не доказан, и речь может идти об общих культовых идеях, связанных с ролью собаки в жизни древних земледельцев Европы и Передней Азии, и различных способах их выражения.

Культовое значение собаки, связанное с ее охранительными функциями и помощью на охоте, отражено в мифах и верованиях многих народов⁵². Археологическим свидетельством роли собаки как оберега являются захоронения собак на поселениях и в могильниках разных эпох. В этой связи можно вспомнить о преднамеренном погребении двух черепов собак в жилище на раннетрипольском поселении Лука-Врублевская⁵³.

Еще Б. Л. Богаевский, анализируя изображения собак на сосудах трипольской культуры, рассматривая их как апотропаических животных, призванных охранять запасы пищи в этих сосудах⁵⁴. Б. А. Рыбаков объяснил эти изображения как один из аспектов культа плодородия. Считая основной функцией реальных трипольских собак охрану посевов от диких и домашних животных,

исследователь полагает, что это превратило их в сознании древних земледельцев в «гениев добра, противостоящих всякому злу», и позволило трипольцам помещать собак в небесную сферу картины мира, изображенной на сосудах. Уже упоминавшиеся здесь сегментовидные «холмы» Б. А. Рыбаков объясняет как идеограмму семени, прикрытого землей и охраняемого «летающими псами»⁵⁵. Эта интерпретация представляется неубедительной, как и некоторые выводы М. Гимбутас (собаки знаменовали цикличность времени, были стражами жизни, способствовали пробуждению растительности и стимулировали ее рост)⁵⁶. Напомним, что сочетание растительной символики (деревья, колосья) с изображением собак встречается редко (Шипинцы, Валя-Лупулуй).

Пытаясь дешифровать хотя бы отдельные элементы сложной знаковой системы, какой является орнамент трипольско-кукутенской керамики, необходимо рассматривать эти элементы не изолированно, а в сочетании с другими знаками этой системы⁵⁷. В этом плане наиболее существенной представляется связь собаки с астральной символикой. Изображениям собак постоянно сопутствуют солярные знаки (Трушешти, Бильче-Злоте, Старые Бадражи, Рашков и др.). Часто их сопровождают лунарные знаки (полумесяц). Символом заходящего за горизонт или восходящего солнца является, по нашему мнению, сегмент («холм») с черточками-лучиками (рис. 7, 8) и без них.

О старинном ритуале, совершавшемся при восходе Сириуса, находящегося в голове созвездия Большого Пса, пишут исследователи религии древнего Рима. Он заключался в мольбах и жертвоприношениях рыжих, близких к красному цвету собак для спасения посевов от засухи и жары, связанных с появлением красного Сириуса. Высказываются предположения, что созвездия Пса и другие были известны еще индоариям, у которых небесные псы стерегли ворота неба или мосты, разделявшие небесную и подземную сферы⁵⁸. Не прибегая здесь к прямым аналогиям, напомним о «красных» трипольско-кукутенских собаках, смотрящих на звезду (рис. 4, 2) или стоящих под звездным дождем (рис. 2, 3). Вспомним и о собаках, восходящих на небо по дуге спирали (ассоциируемой также с символом небесного змея-дракона) или по наклонной линии (рис. 4, 3).

В литературе уже высказывалось предположение о «небесных» функциях собак, изображенных на трипольско-кукутенской керамике. Собака связывалась с женским божеством (Богиней Вселенной) — возможным прототипом античной Гекаты⁵⁹ — или трактовалась как страж ночи, животное Богини Луны, ответственное за прохождение лунного цикла и изменение лунных фаз⁶⁰.

Следует полагать, что в мировоззрении древних земледельцев собака представлялась не только универсальным стражем, но и была персонажем мифов, в том числе космогонических. Возможно, иллюстрацией к этим мифам являются сцены «шествования зверей», запечатленные на сосудах Варваровки VIII и Крутобородинцев. Что же касается конкретного содержания этих мифов, то оно, по-видимому, навсегда останется тайной, стимулирующей фантазию исследователей и побуждающей их к бесконечному научному поиску.

Примечания

¹ Бібіков С. М. Теріоморфні зображення в орнаменті Трипілья // Археологія.— 1989.— № 2.— С. 6—11.

² Nitu A. Ceramica Cucuteniana cu decor zoomorf plastic sau pictural // Memoria Antiquitatis.— 1976.— Vol. 4/5.— P. 326.— Fig. 2.

³ Dimitrescu H. Cercetari arheologice la Valeni (jud. Neamt) // SCIV.— 1950.— T. 2.— P. 40.— Fig. 14, 1.

⁴ Nitu A. Op. cit.— P. 25.

⁵ Dinu M. Santierul arheologic Valea Lupului // Materiale si cercetari arheologice.— 1957.— Vol. III.— P. 161—178.

⁶ Nitu A. Decorul zoomorf pictat pe ceramica Cucuteni-Tripolie // Arheologia Moldovei.— 1975.— Vol. 8.— P. 15—120.— Fig. 22, 23.

- ⁷ *Matasa C. Frumusica.*— Bucuresti, 1946.— Fig. 38, 309.
- ⁸ *Dimitrescu VI. Arta culturii Cucuteni.*— Bucuresti, 1979.— Fig. 52.
- ⁹ *Nitu A. Decorul zoomorf...*— Fig. 15, 1.
- ¹⁰ *Childe V. G. Schipenitz: a late Neolithic station with painted pottery in Bukowina // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.*— 1923.— Vol. 53.— P. 263—288.
- ¹¹ *Kandyba O. Schipenitz.*— Wien-Leipzig, 1937.
- ¹² *Богаевский Б. Л. Орудия производства и домашние животные Триполья.*— Л., 1937.— С. 151.
- ¹³ *Штерн Э. Доисторическая греческая культура на Юге России // Труды XIII АС.*— М., 1907.— Т. 1.— С. 9—75.
- ¹⁴ *Маркевич В. И. Позднетрипольские племена Северной Молдавии.*— Кишинев, 1981.— С. 25.
- ¹⁵ Там же.— Рис. 28, 1.
- ¹⁶ Там же.— Рис. 22, 2.
- ¹⁷ Там же.— Рис. 29, 1; *Маркевич В. И. Далекое-близкое.*— Кишинев, 1985.— Рис. 91.
- ¹⁸ *Маркевич В. И. Позднетрипольские племена...*— Рис. 36.
- ¹⁹ *Маркевич В. И. Далекое-близкое.*— Рис. 80—81.
- ²⁰ Там же.— Рис. 93.
- ²¹ *Бикбаев В. М. Исследования трипольского поселения Шуры I // Археологические исследования в Молдавии 1987 г.*— Кишинев, 1989.— С. 50—60.
- ²² *Маркевич В. И. Позднетрипольские племена...*— Рис. 27, 2.
- ²³ Там же.— Рис. 26; 37, 1; *Маркевич В. И. Далекое-близкое.*— Рис. 87.
- ²⁴ *Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe (7000 to 3500 B. C. Myths, Legends and Cult Images).*— London, 1974.— Тб. 160.
- ²⁵ *Ibidem.*— Fig. 125.
- ²⁶ *Кравец В. П. Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье // КСИА АН УССР.*— 1955.— Вып. 4.— С. 133—135.
- ²⁷ *Хвойка В. В. Раскопки площадок в с. Крутобородинцах Летичевского уезда Подольской губ. и вблизи с. Веремье Киевской губ. // Труды МАО.*— 1909.— Т. 22.— Вып. 2.— С. 281—309.— Табл. VIII.
- ²⁸ *Разведки М. Я. Рудинского в 20-е гг. (Фонды ИА НАНУ); Мовшиа Т. Г. Петренська регіональна група трипільської культури // Археологія.*— 1984.— Вип. 45.— С. 10—23.
- ²⁹ *Разведочные раскопки Н. И. Борковского в 60-е гг. (фонды Каменец-Подольского музея).*
- ³⁰ *Раскопки А. Г. Колесникова в 1988—1991 гг. Автор благодарит А. Г. Колесникова и Т. М. Ткачука за предоставленную информацию и иллюстративный материал.*
- ³¹ *Збенович В. Г., Шумова В. А. Трипольская культура Среднего Поднестровья в свете новых исследований // Первобытная археология (материалы и исследования).*— К., 1989.— С. 97—106.— Рис. 4, 1.
- ³² Там же.— Рис. 4, 2.
- ³³ *Шмаглій М. М., Рижов С. М., Дудкін В. П. Трипільське поселення Коновка в Середньому Подністрів'ї // Археологія.*— 1985.— Вип. 52.— С. 42—52.
- ³⁴ *Черныш Е. К. Трипольское поселение Сороки-Озеро // КСИА АН СССР.*— 1970.— Вып. 123.— С. 77—83.
- ³⁵ *Макаревич М. Л. Исследования в районе с. Стена на Среднем Днестре // КСИА АН УССР.*— 1960.— Вып. 10.— С. 23—32.
- ³⁶ *Разведки Н. А. Кетрару в 1958 и В. И. Маркевича в 1969 г.*

³⁷ Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье.— Киев, 1989.— С. 42.— Рис. 13.

³⁸ Косаківський В. П. Зображення тварин на кераміці з трипільського поселення Чечельник // Археологія.— 1994.— № 1.— С. 148—149.

³⁹ Автор благодарит В. А. Круца и С. Н. Рыжова за информацию об этих находках.

⁴⁰ Шмазлий М. М., Відейко М. Ю. Пізнютрипільське поселення поблизу с. Майданецького на Черкащині // Археологія.— 1984.— Вип. 60.— С. 42—52.

⁴¹ Куриний П. Розкопи біля с. Томашівки на Гуманщині // Коротке звітання УАК за р. 1926.— Ки-в, 1927.— С. 54—62.

⁴² Линниченко П. А., Хвойка В. В. Сосуды со знаками из находок на площадках трипольской культуры // ЗООИД.— 1901.— Т. 23.— С. 199—202.

⁴³ Круц В. А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья.— К., 1997.— С. 43.— Рис. 15, 7.

⁴⁴ Рыжов С. Н. О периодизации трипольских поселений петренской группы // Актуальные проблемы археологических исследований на Украине.— К., 1981.— С. 27—28; Мовша Т. Г. Петренська регіональна група...— С. 10—23.

⁴⁵ Рыжов С. Н. Указ. соч.

⁴⁶ Dimitrescu VI. Notes concernant l'ornementation peinte zoomorphe et humaine dans les civilisations a ceramique peinte de Roumanie et de la Susiane.— Bucarest, 1931.

⁴⁷ Dimitrescu VI. Arta culturii Cucuteni.— P. 58.

⁴⁸ Nitu A. Decorul zoomorf pictat...— P. 58.

⁴⁹ Voight M. Relative and Absolute Chronologies for Iran between 6500 and 3500 Cal. B. C. // Aurenche O., Evin J., and Hours F. (eds.) Chronologies in the Near East.— BAR.— Int. Ser.— 379 (1—2), 1987.— P. 613—646; Gimbutas M. Eastern Europe // Ehrich R. W. (ed.)— Chronologies in Old World.— Archaeology.— Vol. 2.— Chicago; London, 1992.— P. 364—384.

⁵⁰ Muller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte.— Bd. II/2.— 1968.— Taf. 36, 43, 50; 79, 65, 71; 305, 36.

⁵¹ Ibid.— Taf. 18, 3; 79, 78, 79; 300, 39, 43.

⁵² Kretschmar F. Hundestammvater und Kerberos.— Stuttgart, 1938; Schlerath B. Der Hund bei den Indogermanen // Paideuma.— B. VI.— H. 1.— 1954.— S. 25—40.

⁵³ Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевская // МИА.— 1953.— № 38.— С. 22—23.

⁵⁴ Богаевский Б. Л. Орудия производства и домашние животные Триполья.— С. 194, 227.

⁵⁵ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА.— 1965.— № 1.— С. 38; № 2.— С. 26—28.

⁵⁶ Gimbutas M. The Language of the Goddess.— London, 1989.— P. 197.

⁵⁷ Ткачук Т. М. Знакова система трипільської культури // Археологія.— 1993.— № 3.— С. 91—100.

⁵⁸ Штаерман Е. П. Социальные основы религии Древнего Рима.— М., 1987.— С. 34—36.

⁵⁹ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология... // СА.— 1965.— № 2.— С. 19.

⁶⁰ Gimbutas M. The Gods and Goddesses...— P. 171; The Language of the Goddess.— P. 197.

В. Г. Збенович

ЗООМОРФНІ МОТИВИ В РОЗПИСУ КЕРАМІКИ КУЛЬТУРИ ТРИПІЛЛЯ-КУКУТЕНІ

В орнаментатії кераміки культури Трипілья-Кукутені закована міфологічна картина світу. Одним з головних персонажів давніх вірувань є собака. Зображення тварин розглядаються за основними регіонами культури. Детально і повно характеризуються дже-

рела, які розкривають образ собаки. При дешифровці елементів складної знакової системи, якою є орнамент трипільсько-кукутенської кераміки, вони розглядаються у поєднанні з іншими знаками. В уявленнях давніх землеробів собака виступала не тільки універсальним стражем, але й була персонажем міфів, включаючи космогонічні. Конкретний же зміст міфів, очевидно назавжди залишиться таємницею, яка стимулює фантазію дослідників і спонукає їх до безкінечного наукового пошуку.

V. G. Zbenovich

ZOOMORPHIC MOTIFS IN PAINTING OF POTTERY IN THE TRIPOLIE-CUCUTENI CULTURE.

Ornaments of pottery in the Tripolie-Cucuteni culture present coded mythological picture of the world. A dog was one of the main characters of ancient beliefs. Images of animals are analyzed for main regions of culture. Sources which describe an image of a dog are considered in detail. The ornament of the Tripolie-Cucuteni pottery is an intricate system of symbols and its elements are decoded and studied in combination with other symbols. In the world outlook of ancient farmers a dog was not only a universal guard but also a character from mythes, cosmogenic mythes included. The specific content of the mythes will, probably, a myth forever. It excites the imagination of researchers and imples them to the ever-lasting scientific search.

ХРОНОЛОГІЯ І ПЕРІОДИЗАЦІЯ ТРИПІЛЛЯ А

Н. Б. Бурдо

У статті розглянуто проблему синхронізації та періодизації поселень культури Прекукутені-Трипілья А і запропоновано їх періодизацію.

Проблема періодизації трипільської культури має досить широку історіографію. На початку вивчення Трипілья найбільш ранні пам'ятки культури ще не були відомі, так як і культура Прекукутені у Румунії. Спробу періодизації трипільсько-кукутенських матеріалів було зроблено Т. С. Пассек у 30-ті роки. В науковому архіві Інституту археології НАНУ зберігається рукопис статті Т. С. Пассек і Б. Латиніна «Спроба класифікації кераміки трипільської культури Східної Європи», датований 1929 р.¹ Вже 1935 р. Т. С. Пассек видала монографію з класифікації кераміки трипільської культури. Запропонована там періодизація трипільської культури цілком побудована на основі типологічного аналізу посуду². Саме типологічний метод спричинився до помилкового віднесення до фіналу Трипілья ряду пам'яток, які, як потім було встановлено, починають розвиток культури. Коли з'явилася інформація про стратифіковану пам'ятку кукутенської та прекукутенської культури у Румунії Ізвоар, Т. С. Пассек вже наприкінці 30-х років уточнює та удосконалює періодизацію трипільської культури³, виходячи з стратиграфічних даних. У завершеному вигляді, з розгорнутою аргументацією, схему періодизації трипільських поселень було опубліковано Т. С. Пассек вже по війні⁴.

Ранній період розвитку культури, який отримав назву Трипілья А, мав досить обмежені матеріали, що унеможливлювали його періодизацію.

© Н. Б. БУРДО, 1998